

Абрамова Тамара Валериановна

канд. пед. наук, учитель

ФГКОУ «Московское президентское кадетское училище
им. М.А. Шолохова войск национальной гвардии РФ»

г. Москва

Лаврентьев Максим Владимирович

канд. юрид. наук, преподаватель

ЧПОУ «Московский городской открытый колледж»

г. Москва

**САРАТОВСКИЙ ГАЛКИНСКИЙ УЧЕБНО-ИСПРАВИТЕЛЬНЫЙ
ПРИЮТ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПРАВОНАРУШИТЕЛЕЙ
В 1876–77 гг. (ЧАСТЬ ПЕРВАЯ)**

Аннотация: статья посвящена теме деятельности Саратовского Галкинского Учебно-исправительного приюта для несовершеннолетних правонарушителей в 1876–77 гг. Сообщаются данные об руководстве приюта, его персонале, составе воспитанников и воспитанниц, ремесленном производстве, об исправлении несовершеннолетних правонарушителей, об обучении и воспитании питомцев приюта.

Ключевые слова: Российская империя, XIX век, Саратов, Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют для несовершеннолетних правонарушителей, Галкин-Враской М.Н., воспитательно-исправительные заведения для несовершеннолетних правонарушителей.

20 сентября 1873 г. в Саратове был открыт учебно-исправительный приют для детей обоего пола, на средства, частью пожертвованные, частью собранные тогдашним саратовским губернатором, «а ныне членом государственного совета, М.Н. Галкиным-Враским. С 12 ноября 1891 г., приют стал называться «галкинским» в честь своего основателя» [1, с. 225; 3].

М.Н. Галкин-Враской был основателем и, в течение ряда лет, с 1879 по 1896 г., руководителем Главного Тюремного управления Российской империи. До

назначения на эту должность, с 1871 по 1878 г. Галкин-Враской был саратовским губернатором.

В 1876–77 гг. наличный состав членов правления приюта и «главных лиц», служащих в самом приюте был такой же, что и в предыдущем году, а именно председателем правления был Н.В. Гаврилов, членами: от тюремного комитета Г.К. Деканский, от губернского ведомства В.А. Федоровский, от города Саратова И.К. Мышенков и от братства Св. Креста: М.А. Попов и А.Я. Шабловский. Из них В.А. Федоровский исполнял обязанности секретаря, И.К. Мышенков – казначея. Смотрителем приюта оставался А.В. Пряничников (иногда пишут А.В. Прянишников – М.Л.) [2, с. 1].

Материальные средства приюта в отчетном году значительно отличались от предыдущих лет, главным образом, тем, что, кроме тех средств, которыми приют располагал в прежнее время, в данном году были сделаны ассигнования, до сих пор имевшие места в бюджете приюта, а именно поступило: «от Саратовского губернского земства – 2 500 рублей, от Вольского уездного земства – 250 рублей, от общества мещан и купцов города Саратова – 1 000 рублей, процент на неприкосновенный капитал приюта – 1006 рублей, из казны «кормовых» – 687 рубля 99 ³/₄ копейки, из казны на одежду и обувь за 1876 г. – 284 рубля 63 копейки, выручено от сдачи земли на увекском участке – 69 рублей, пожертвовано саратовский кафедральным протоиреем М.С. Воронцовым – 600 рублей, отпущено из саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета – 4 000 рублей, получено от саратовского городского общества – 500 рублей, выручено от сдачи плодов в саду – 315 рублей, выручено от продаже овощей – 75 рублей 75 копеек, выручено от продажи хлеба своего посева – 82 рубля 60 копеек, чистая прибыль от ремесел – 79 рубля 68 копеек, выручено от сдачи земли на арендованном участке – 770 рублей 24 копейки. Итого 12 219 рублей 89 ³/₄ копейки» [2, с. 2–3].

Новыми статья дохода стали: 4 000 рублей, которые были отпущены по предложению губернатора Саратовской губернии М.Н. Галкина-Враского, из саратовского губернского попечительного о тюрьмах комитета, на устройство новой семьи для воспитанников и «некоторого расширения прежних зданий, в виду

того, что число воспитанников и воспитанниц год от года постоянно увеличивается» [2, с. 3].

Также была получена 1 000 рублей, «отпущенные обществом купцов и мещан города Саратова, которое, ознакомься с деятельностью приюта и достигаемыми им результатами, отнеслось к нему сочувственно и нашло возможным оказать ему со своей стороны пособие» [2, с. 3].

Кроме того, «еще прежде, когда только собирались средства на устройство приюта, саратовский кафедральный протоиерей М.С. Воронцов сделал заявление о пожертвовании им в пользу приюта небольшого участка земли, в 15 десятин, на Увекке (к югу от Саратова, на берегу Волги – М.Л.). Но вследствие черезполостности и неопределенности границ, участок этот перешел в фактическое пользование приюта только осенью 1875 года, когда сделано было в той местности полюбовное размежевание частных владельцев. В 1876 году участок, находясь в хозяйственном ведении члена правления приюта А.Я. Шабловского, принес дохода 69 рублей. В этом же году правление приюта обратилось к протоиерею Воронцову с просьбой сделать формальную передачу участка приюту, путем совершения нотариального акта. Но в это время к самому господину Воронцову предъявлен был спор о праве его владения этим участком, а, следовательно, и о праве отчуждения. Тогда он, взамен участка, внес в кассу приюта 600 рублей, для причисления их к неприкосновенному капиталу» [2, с. 3–4].

Также Саратовская городская дума, ассигновавшая в прежние годы «пособие приюту в размере 1 000 рублей ежегодно, в отчетном году ассигновала только 500 рублей, что тотчас же поставило приют в некоторые затруднения: при незначительности обыкновенных средств приюта, сокращение пособия на половину было бы весьма чувствительно во всякое время, а на этот раз тем более, так как в этом году, кроме обыкновенных текущих расходов, предстояло, как увидим ниже, много расходов сверхсметных, от которых воздержаться, или сократить которые не было уже возможности в то время, когда были ассигнованы 500 рублей, вместо 1 000 рублей» [2, с. 4].

Также были выручены 770 рублей 24 копейки, от сдачи земли на арендованном у города Саратова участке. Но польза от участка им одним не ограничивается: из этого же участка отделено было 20 десятин земли для собственного посева: «собран запас сена для продовольствия собственного скота...» [2, с. 4].

Расходы за 1876–77 гг. представлялись в следующем виде: «книги и учебные пособия – 61 рубль 10 копеек, продовольствие воспитанников, воспитанниц и прислуги – 809 рублей 35 копеек, продовольствие воспитателя и его помощника – 145 рублей 00 копеек, одежда и обувь – 613 рубля 39 копеек, ремонт и переделки в прежних зданиях – 470 рублей 27 копейки» [2, с. 4].

Большие средства были пущены на строительство новых построек: «дом для 2 мужской семьи – 2 498 рублей 86 копеек, флигель для женской семьи – 1 041 рублей 18 копеек, кухня – 624 рубля 72 копейки, амбар хлебный – 100 рублей, скотный двор с конюшней, коровником, сараем для склада земледельческих, сараем для склада земледельческих, садовых и огородных орудий и машин, и погреб для хранения зимой корнеплодов – 679 рубля 4 копейки» [2, с. 4].

Также средств требовали: «отопление и освещение – 1 000 рублей 38 копеек, содержание чистоты – 40 рублей 71 копейки, хозяйственные принадлежности – 118 рублей 95 копеек, жалованье служащим – 1 796 рублей 8 копеек, ремонт и возобновление ремесленных инструментов – 13 рублей 96 копеек, ремонт и возобновление инструментов садовых и огородных – 17 рублей 2 копейки» [2, с. 4–5].

Отдельная статья расходов касалась сельскохозяйственных нужд: «земледельческие орудия – 48 рублей 30 копеек, расходы по земледелию – 158 рублей 86 копеек, расходы по садоводству – 5 рублей 85 копеек, расходы по огородничеству – 20 рублей 20 копеек, покупка 5 лошадей и 1 коровы – 188 рублей 00 копеек, содержание скота – 433 рубля 66 копеек, экипажи и сбруя – 308 рублей 2 копейки». Кроме этого, несколько отдельных статей расходов касались «канцелярии правления – 100 рублей 00 копеек, расходы разного рода – 60 рубля 93 копейки, уплачено в Саратовскую городскую управу аренды за участок – 1 002 рубля 00 копеек. Итого – 12 355 рубля 83 копейки» [2, с. 5–6].

Приют остался должен 135 рублей 93 $\frac{1}{4}$ копейки разным лицам на некоторые материалы по постройкам и которые должны были быть уплачены из доходов будущего года [2, с. 6].

В составе приюта к 30 сентября 1876 года было: «воспитанников – 16, воспитанниц – 4. В течение года вновь поступило: воспитанников – 25, воспитанниц – 3. В том числе один воспитанник, поступивший во 2-й раз и один – в третий раз. Всего в течении года было: воспитанников – 41, воспитанниц – 7. Выбыло: воспитанников – 18, воспитанниц – 3. К 30 сентября 1877 года оставалось: воспитанников – 23, воспитанниц – 4» [2, с. 7].

Большинство воспитанников и воспитанниц были приговорены к содержанию в приюте за кражи, «в том числе за кражу простую – 19; за кражу со взломом – 5; трое – за утайку чужих денег... Мотивы преступлений те же, как и всегда...» [2, с. 8].

По возрастам поступившие были: «12 лет – 2, 13 лет – 3, 14 лет – 4, 15 лет – 6, 16 лет – 13. По вероисповеданиям: православного – 27, еврейского – 1. По условиям: мещан – 16, крестьян – 10, солдатских детей – 2» [2, с. 8].

В прежние годы для непосредственного наблюдения за воспитанниками в приюте были воспитатель и двое «дядек» из отставных нижних военных чинов; «и хотя роль и значение последних были по преимуществу, подчиненные, но тем не менее подобное положение не считалось достаточно удовлетворительным, так как дядьки не могли иметь достаточно хорошего влияния на воспитанников и часто или искажали, или затрудняли некоторые воспитательные меры, принимаемые смотрителем и воспитателем. В настоящем отчетном году это положение изменено: «дядьки» совсем уволены и установлена должность помощника воспитателя, на которую и приглашено лицо, состоящее на достаточной умственной и нравственной высоте, чтоб иметь более или менее сильное нравственное влияние на воспитанников» (отчет, с. 11–12).

Библиотека приюта была очень бедна и не могла удовлетворить самым скромным, самым снисходительным требованиям. «В отчетном году этот недо-

статок был отчасти пополнен, благодаря любезности Санкт-Петербургского комитета грамотности, который прислал для библиотеки приюта 116 томов разных книг. Таким образом, потребность детей в чтении в значительной степени могла быть удовлетворена и основание библиотеки положено; теперь она состоит из 137 названий в 213 томах» (отчет, с. 12).

Характер и направление жизни воспитанников и воспитанниц приюта, распределение их времени и их занятий в отчетном году оставались те же, как и в прежние годы. «По прежнему самым важным, самым серьезным для них делом считались умственные занятия во время класса, на что ежедневно было употребляемо 2 или 3 часа, смотря по времени года и по количеству других неотложных занятий. Класс начинался всегда в 6 часов утра и оканчивался в 8 или 9 часов. Обыкновенно в зимнее время на учебные занятия в классе отделялось не менее 3 часов, а иногда и более, так как в это время других спешных работ сравнительно меньше и притом зимние работы, по преимуществу ремесленные, с большим удобством можно регулировать. В летнее же время, когда скоплялось много полевых, садовых и огородных работ, число учебных часов иногда сокращалось до 2-х, во время же уборки сена и хлеба, учебные занятия совершенно прекращались каждый день на две недели. Но это потерянное время вполне вознаграждалось тем, что иногда во время дурной погоды, когда нельзя было работать на открытом воздухе, число учебных часов увеличивалось против обыкновенного. Общее же число их в среднем выводе приходится не менее трех в день» (отчет, с. 12–13).

В деле организации классных занятий постоянно встречалось «затруднение в одновременном поступлении воспитанников и воспитанниц и в таковых же выпусках их, а также и в различии возрастов, способностей, степени умственного и нравственного развития. Повторялось то же деление воспитанников на 5–6 групп и воспитанниц на 2–3 группы, та же необходимость отдельных занятий с каждой группой, те же переходы из одной группы в другую, смотря и по успехам каждого отдельного воспитанника» (отчет с. 13).

Но при обучении грамоте и общеобразовательным предметам хоть какое-нибудь сочетание в группы было возможно: «при преподавании же закона божия и этого нельзя было сделать, так что законоучитель, священник В.С. Иров, принужден был заниматься отдельно с каждой воспитанницей и с каждым воспитанником. Общим для всех было только объяснение евангелия, читанного при богослужении» (отчет, с. 13).

Предметами преподавания были: «закон божий, русский язык, чтение, арифметика, предметные уроки, пение с голоса (преимущественно церковное). Последнее вел сверх своих обязательных занятий священник В.И. Иров; светским занятием занимался воспитатель мужской семьи. На каждый из общеобразовательных предметом определялось по 2–3 часовых урока в неделю; закон божий был всегда один раз в неделю – по воскресеньям. В эти дни приезжал священник, служил первоначально часы, всенощную или молебен, затем объяснял евангелие, читанное на это раз при богослужении, далее – давал уроки закона божия и наконец занимался церковным пением. Уроки закона божия и церковного пения в течение недели репетировались воспитателем» (отчет, с. 13–14).

Учебные занятия оканчивались в приюте ежедневно в 8–9 утра. «Остальная часть дня употреблялась на различного рода работы. Как и в прежние годы, все работы разделялись на сельскохозяйственные и ремесленные, а у воспитанниц, кроме того, рукоделие и домашнее хозяйство: первые практиковались преимущественно весной, летом и осенью; вторые – зимой; но ни те, ни другие не прерывались окончательно никогда: и зимой находились занятия по сельскому хозяйству, и весной, летом, осенью производились ремесленные занятия; только в каждое время года одними работами занимались предпочтительнее» (Отчет, с. 15).

Целью физического труда воспитанников было: «научить их какому-либо полезному делу, могущему впоследствии служить им средством для заработков, приучить их к труду и заставить полюбить и уважать честный и полезный труд и наконец – получить те или другие материальные выгоды от этого труда; но и последняя цель, при наружной своей материальности, должна была иметь также

воспитательное значение – по крайней мере всегда неуклонно стремились так поставить, придать такой именно характер и этой стороне труда» (Отчет, с. 15).

Дело в том, что «воспитанников исправительных заведений... необходимо как можно раньше приучить к сознанию, что всякий человек уже сам должен заботиться о себе, обязан сам обеспечивать свое материальное и нравственное существование, что никто другой не обязан ни делать для них что-либо, ни давать им даром что-нибудь...» (отчет, с. 15).

Весной, летом, осенью, воспитанники и воспитанницы приюта, «после классных учебных занятий, занимались преимущественно сельским хозяйством, включая сюда полевые работы по посеву и уборке зерновых хлебов и сена, затем садоводство и огородничество. Этого рода работам, как и прежде, было дано предпочтительное пред всеми другими...» (отчет, с. 15).

К сожалению, ремесленное производство в приюте оставалось без дальнейшего развития. «Токарная мастерская, как и прежде, не имела посторонних заказов; переплетная мастерская имела их даже меньше и только сапожная мастерская работала по-прежнему. Это обуславливалось с одной стороны, тем, что сапожная мастерская имела своего особого мастера-учителя, специально знающего дело; переплетному же и токарному делу, по-прежнему, обучал смотритель приюта, на котором в этом году лежало гораздо более, чем прежде, других обязанностей...» (отчет, с. 25–26).

С другой стороны, «...на успех ремесленного дела имела влияние также и практичность самих ремесел: для переплетной мастерской всегда трудно было иметь заказы: токарная никогда не имела их; сапожная же мастерская имела всегда не мало работы для самого приюта, а затем легче могла доставать и посторонние заказы...» (отчет, с. 26).

Из числа всех воспитанников обучались ремеслам: «сапожному – 18, переплетному – 6, токарному – 2» (отчет, с. 26).

Успехи воспитанников в мастерствах, как в том, так и в другом гораздо выше прошлогодних, что лучше всего доказывается качеством производимых

работ. «Так, сапожная мастерская в этом году могла выполнять достаточное количество обуви вполне хорошей, удовлетворяющей довольно строгим требованиям; переплетчики делали обыкновенные переплеты книг вполне удовлетворительно; один из воспитанников с достаточным успехом занимался футлярной и картонажной работой» (отчет, с. 27).

Необходимо при этом заметить, что из всех заказов, «как по переплетной, так и в особенности по сапожной мастерской, не был забракован ни один; напротив – все заказчики ими оставались вполне довольны» (отчет, с. 27).

Из прибыли по ремеслам «сделаны были небольшие пособия беднейшим из выходящих воспитанников; эти пособия выдавались преимущественно платьем и обувью, и только в двух случаях деньгами (одному воспитаннику выдано было 2 рубля 50 копеек, другому 1 рубль). Но это было делается в форме пособия семье беднейшим из своих членов, но не как заработок, на который они могли бы предъявлять претензию. На предмет выдачи этого рода пособий было сделано одно пожертвование в виде двух пар летнего и одного зимнего платья и двух ситцевых рубашек. На все означенные пособия израсходовано 17 рубля 84 копейки» (отчет, с. 27).

Воспитанницы, которые составляли женскую семью, «в зимнее время, а отчасти и летом, занимались, под руководством их воспитательницы, преимущественно рукоделием. На них лежала обязанность шить белье и летнее платье как для самих себя, так и для мужской семьи: на них лежала обязанность чинить белье. Все эти обязанности они исполняли с достаточным успехом, так что ни одной пары белья или летнего платья не было сшито посторонними руками. Это и заняло почти все их время, так как все работы были сделаны руками; швейной машины пока еще не приобретено, хотя и имеется в виду сделать такое приобретение, что вызывается не только желанием производить скорее постройку белья и платья собственно для приюта, но и для обучения воспитанниц работе на машине» (отчет, с. 28).

В течение года были замечены следующие проступки: «ссоры – 14, драки – 41, покушение ударить тяжелым орудием – 2, упрямство – 13, брань – 18, грубость и дерзость – 17, клевета – 3, ослушание – 7, жестокое обращение с животными – 3, нарушение правил – 54, неуважение старших – 10, воровство – 4, небрежность вещей – 14, уклонение от работ – 2, небрежность в исполнении работ и других поручений – 18. Итого – 220» (отчет, с. 32).

Состояние физического здоровья воспитанников и воспитанниц вообще было вполне удовлетворительно, за исключением одного случайного явления... «Были случаи заболеваний весьма легких, обходившихся по большей части или совсем без помощи врачевания, или с помощью домашних средств. Большинство из них, впрочем, являлись результатами прежде полученного предрасположения к болезням. Вообще замечено, что значительный процент поступающих в приют воспитанников и воспитанниц являлись всегда с задатками тех или других болезней, преимущественно же золотухи, ревматизма, простуды, так что для некоторых приходилось прибегать к особым гигиеническим мерам» (отчет, с. 36).

В июне 1877 года в приют «был прислан из Царицына один воспитанник больной; жаловался он на головную боль, на боль в ногах; замечались лихорадочные симптомы; так и думали сначала, что он страдает лихорадкой; дали ему хины несколько гран – это не помогло; тогда был приглашен врач, который нашел, что у мальчика тиф. Его немедленно направили в Саратов, в Александровскую земскую больницу, где он и был вылечен. Но случай этот не прошел даром. Вскоре после отправки в больницу этого воспитанника, начали заболевать и другие, и у них появился тиф; в течение одного недели заболело 7 человек. Тотчас были приняты энергические меры: отделена особая комната и приспособлена для болеющих, которых совершенно изолировали; все комнаты усиленно дезинфектировали; троих из вновь заболевших отправили также в Александровскую больницу; остальных врач нашел удобным лечить дома, так как формы болезни и степень ее развития были незначительны. На этом все и кончилось. Все больные выздоровели, как отправленные в больницу, так и лечившиеся дома» (отчет, с. 36).

Врачебную помощь в течении всего года «подавал безвозмездно саратовский уездный врач Ф.М. Каменский (отчет, с. 37).

Таким образом, можно сделать вывод, что «саратовский учебно-исправительный приют, в течение отчетного года, не только поддержал и сохранил то, что было выработано, достигнуто трудами и усилиями прежних лет, но многие стороны своей жизни и деятельности развил, улучшил, пополнил некоторые пробелы, существовавшие прежде, – одним словом не остановился на одной, раз достигнутой степени своего развития, но продолжал прогрессивно развиваться, и в настоящем году еще более заметно, более решительно, нежели в предыдущие годы» (отчет, с. 37).

Список литературы

1. Диомидов И.М. Саратовский Галкинский учебно-исправительный приют / И.М. Диомидов // Журнал министерства юстиции. – 1916. – №3.
2. Отчет по саратовскому учебно-исправительному приюту за 1876–77 год. Год 3-й. – Саратов: Типография саратовского губернского правления, 1878.
3. Тальберг Д.Г. Исправительные колонии и приюты в России / Д.Г. Тальберг // Журнал Министерства народного просвещения. – 1882. Январь.